

Слово «Рождество» морозно-сияющее, пронизанное трепетно-дрожащим светом свечей и еще другим Светом, неземным. Хоровод звёзд на бездонном небе – словно души праведников. Выглянули из своих обителей, чтоб вместе с нами Праздник встретить. Улыбаются. Лучи света такие тёплые, живые, как и безмерная любовь святых угодников к нам.

Ангелы тоже здесь. Огоньки свечей взволновано трепещут под веянием их крыльев.

Такие ночи не принадлежат той обыденно-прикипевшей реальности, в которой живут люди. Это словно пересечение граней, скол миров. Вот-вот разорвётся по швам чёрный бархат неба, и хлынет оттуда поток живоносного Света. В такие ночи легче понять необъяснимое, принять невозможное, открыться неведомому.

В такие ночи после всенощного бдения мы, приходом, спускаемся из школьного храма в трапезную. Говорить о чудесах.

Не знаю, откуда эта традиция забрела к нам на огонёк, но знаю, что она всегда следовала за кочующей из помещения в помещение Православной Школой и верным ей братством-сестринством Казанской иконы Богоматери.

«Правила» просты: в начале говорят те, кто столкнулся лицом к лицу с чудом в минувшем году. Но, разумеется, есть и истории, повторяющиеся из года в год и не становящиеся от этого менее интересными. Повторения никого не смущают. Ведь у каждого в жизни есть свое главное чудо, отголосками которого полна затем вся оставшаяся жизнь. Отголосками чужих чудес полна и я, возвращаясь из года в год домой под утро. Тихо опускаюсь на кровать. Перед глазами мелькают знакомые лица. Говорят, самозабвенно окунаясь в прошлое, в их глазах отражаются блики того самого Света, их коснувшегося.

ЧУДО ПЕРВОЕ

О тепле при отключенных батареях.
Рассказ директора Православной Школы.

Наша школа только начинала тогда работать. Только распахнула глаза свои чужому, конфликтующему со всем и с самим собой миру, в нем она была как чужеродное пятно. Для других пятно, а для нас осколок былого, дореволюционного, душой тянущегося к небу города.

Ютилась школа в здании в районе вокзала, закрывшийся детский садик неожиданно передал освободившееся помещение ей. Мы обжились, переступая через ощущение не своего, не замечая его, заглушая благодарной радостью. У нас был и домовый храм в одной из комнат. Развешанные иконы, найденные на чердаках и на помойках, принесенные посторонними людьми, некоторые даже храмовые, спасенные иконы-мученики, со все такими же кроткими, только потускневшими от горя за безумных людей ликами. Было пусто и бедно. Но как же хорошо! Это был наш приют спасения, первый наш уголок.

Второго января, на Иоанна Кронштадтского, нашего небесного покровителя, мы собирались служить Литургию, ученики с родителями, многие впервые, готовились к Причащению Святых Таин. Первого января на ТЭЦ случилась какая-то крупная поломка, думаю, многие бийчане помнят – полгорода без отопления осталось. Вдобавок мороз стиснул своими ледяными ладонями. Температура ужасающее-неотвратимо скользила вниз, за черту допустимого. Ночь с первого на второе мы с батюшкой провели в школе. Молились: «Отче Иоанне, неужели в твой праздник дети останутся без Причастия?», слова слетали с губ клубочками пара, горячими, как и наша мольба. Пылкая надежда побуждала бросаться от одной батареи к другой, смутно белеющей, будто айсберг, припорошённый пылью. Уже перед самым рассветом я ненадолго провалился в зыбкую дрему, а проснувшись, сразу положил руку на батарею, неожиданно обжёгшую озябшую ладонь. Остатки сна тут же были отброшены. Срочные, полные искрящейся радостью звонки родителям учеников, чтоб приходили, приводили детей. Служба состоялась! Когда ребяташки, затаив дыхание, тонкой цепочкой тянулись к Чаше, ко мне подошел один из наших прихожан, работавший на ТЭЦ. Я бросился к нему с объятиями: «Какие же вы молодцы! Как быстро починили всё!», он посмотрел на меня как-то странно: «Выйдем». Ничего не понимая, я пошел за ним на улицу. Остановившись на крыльце, он махнул куда-то рукой: «Видишь трубу?» Я кивнул, всё ещё продолжая не понимать, мысли были полны радости, не воспринимая ничего чужеродного, не важного сейчас. «Идёт из неё дым?» – мужчина был непонятно-настойчив. «Нет...» – «Так вот, ничего мы не починили. Во всех соседних домах нет отопления. Только у вас», – он вновь посмотрел на меня почти с ужасом. А я и сам остолбенел и все никак не мог отвести взгляд от этой одинокой без привычного дыма трубы.

В газетах потом писали, что по городу прошли таинственные тепловые потоки. А некоторые пытались объяснить всё с научной точки зрения. Дескать, скопился в трубах под зданием тёплый пар, а потом поднялся. А мы ходили поражённые счастьем. Услышал нашу молитву, помог! Под крыло свое взял, будто на дальнейший путь благословил.

ЧУДО ВТОРОЕ

О «поповском» поле, сорняках и силе молитвы.

РАССКАЗ МОЕЙ БАБУШКИ, УЧИТЕЛЬНИЦЫ.

Раньше у школы был свой небольшой участок земли, километрах в шестидесяти от города. Сажали пшеницу и чуточку овощей, на питание нашим ребятам. Собираемся с родителями и учителями по

выходным и едем туда. Помню, раз приезжаем, тучки собираются. Я бросаюсь, работать ведь надо скорее, пока не полило. Вижу, никто за мной не торопится, все на акафист Казанской иконе встают. Ну что ты будешь делать? Пришлось и мне со всеми. А я стою, все на небо поглядываю да и осуждаю про себя: «Дома молиться надо. Приехали работать – работай!» Прочитали мы акафист, поработали с полчаса, и ливень. Ничего не поделаешь, собрались, сели и поехали назад, почти не поработав. И так каждый раз: акафисты, молебны, водосвятия... Будто в храм приезжаем, а не на прополку. Прозвали местные наше поле «поповским» и смеются – карлык (сорняк такой) у нас уже выше пшеницы стоял. Так и прошло лето. Глядеть мне на эти заросли стыдно и обидно, столько времени потеряли, не работали из-за этих молитв толком, вот и результат.

И вдруг в конце августа поднялся сильный ветер. Полегла пшеница у насмешников наших, а у нас стоит – карлык держит. Надо урожаем снимать, а только из-за сорняков не подберёшься. И что вы думаете? Налетели какие-то неведомые мне насекомые, никогда ни до, ни после таких не видала, и съели весь карлык. А пшеницу не тронули, стоит целёхонька. Лучшее всех в округе урожаем у нас было. Головами качали – вот так «поповское» поле!

ЧУДО ТРЕТЬЕ.

Про лей. РАСКАЗЫВАЕТ ПРИХОЖАНКА А.К.

Моя мама долго не верила в Бога. Не могла поверить. Крестила меня и мою сестру бабушка, она же учила молитвам, помогала сделать первые шаги к вере. Отец был военным. Перед самым распадом СССР его перевели служить в Молдавию. Мы с мамой и сестрой переехали за ним в Кишинёв. Так и вышло, что вскоре мы оказались в чужой стране совсем одни без знания языка вдобавок. Отца вновь перевели, и теперь взять нас собой он уже не смог. Мы с сестрой ещё учились в школе. Мама по образованию фармацевт, но работать в аптеку без знания молдавского её не брали, она туда ходила полы мыть. Тяжёлое было время. Каждый вечер я вставала перед иконой Богородицы и молилась, чтоб Матерь Божия послала нам еды на завтра. И, бывало, на следующий день к нам приходили совершенно незнакомые люди и говорили: «Я живу в соседнем доме и видела на вашей дочери красивую кофту. Можете и мне связать такую?», или «Мне рассказывали, что у вас можно выменять тёплые одеяла». И мама вязала на заказ, променивала какие-то вещи, и так мы держались. Как-то я сказала ей, полная откровенной детской благодарности: «Вот видишь, мам, я молюсь Царице Небесной, и Она всегда помогает нам, людей своих посылает!» Мама, усталая и издерганная после тяжёлого дня, только накричала на меня: «Конечно, то, что я горбачусь, не жалея сил, для тебя не имеет значения! Вся благодарность какой-то выдуманной Богородице!» Слова обожгли своей несправедливостью, будто звонкая и хлесткая пощечина. Внутри зацарапалась горькая обида за Матушку Божию, и в этот вечер я молилась так: «Царице Небесная, я-то знаю, что это Ты нам помогаешь, посылаешь нам еду и деньги. Но теперь я прошу Тебя лишь об одном –

сделай так, чтоб и мама моя в Тебя поверила, чтоб она так же, как и я, была Тебе благодарна».

Утром я нашла маму на кухне безутешно плачущей. На мой вопрос она тихо со сдавленной обреченностью проговорила: «У нас нет больше ничего... только поваренная соль. Последнее мы съели вчера вечером». Лихорадочно цепляясь за последнюю надежду, я напомнила маме, что иногда кто-то, видимо, зная о нашем бедственном положении, подкладывает в её сумку монетки ценностью в один-два лей. Мама безнадежно пожала плечами, она уже успела обыскать всё несколько раз самым тщательным образом. С упрямством человека, боящегося поверить в исчезновение последней надежды, я всё равно обшарила сумку заново. Там и вправду ничего не завалилось. Бросилась на колени перед иконой – сейчас станет всё хорошо, станет всё в порядке. Я молилась и бежала искать в сумке. Снова молилась. Уговорила встать со мной на молитву старшую сестру. Все безрезультатно. Помню, в прострации глядя уже не на лик на иконе, а сквозь него, оступев от душившей безысходности, повторяла: «Дай хлеба, дай хлеба...» В голодных пустых метаниях прошел день.

Внезапно я вспомнила. Вспомнила о вчерашней моей вечерней молитве. И, прогоняя застывающее в крови отчаяние, взмолилась поновому: «Помоги, Богородице! Дай маме денег. Дай ей. Чтоб она поверила!» Уже темнело, день ознобным маревом прошел мимо. Я взяла сумку и понесла её маме с отчаявшейся уверенностью. Мама сидела на кухне потерянная, оцепеневшая. Сестра была тут же, застывшая в немом бессильном утешении. Положив маме сумку на колени, я выдохнула: «посмотри» так, что она послушалась, только вздохнув. Дрожащая ладонь исчезла в тканевых недрах. Небрежное движение, вдруг застывшее. Её пальцы, ледяные потные пальцы сжимали лей. «Кто из вас подложил мне деньги?» – её голос срывался. «Мама, мы бы...если б у нас было...» – сестра заикалась, округлив глаза в трепете.

В булочную пошла я. Мама протянула мне деньги молча, будто они были моими. Но я знала, что заслуга не моя. Хлеб, подаренный Богородицей, был принесён домой на вытянутых руках. А там, на кухне, в лилово-шёлковых сумерках, мама разрезала его в торжественном молчании и передавала нам так, будто совершала священнодействие. Это было наша Тайная вечеря. Это был тот первый раз, когда моя мама подумала о Божественном без скепсиса. Нет, не могу сказать, что душа её тотчас открылась Богу. Но это чудо – первое отчетливо-свежее дыхание Небесного, которое она ощутила на своём лице. Если не пробуждение к Свету, то уже ощущение Его тепла.

* * *

Голоса сливаются в звеняще-восторженный признательный хор. «Христос рождается, славите! Христос с небес, срящите!»

Напротив кровати окно, а за стеклом ловит отражение звезд снег. Благодарно дышит Земля, только что приняв в серебряные объятия свое главное чудо – родившегося Христа.